Второй курс

Борис Колмогорцев

Борис Колмогорцев

Второй курс

«Автор»
2026

Колмогорцев Б.

Второй курс / Б. Колмогорцев — «Автор», 2026

Свердловск, 1973 год. Герой — второкурсник, геофизик, живёт в общежитии, где всё слышно и всё видно. После лета на Синели он всё ещё носит в себе колодец с запертой луной. Но здесь, в коридоре и столовой, ему предстоит встретить девушку, которая не хочет быть героиней романа.Флюра — из Уфы, башкирка, перевелась в Свердловск, потому что не хотела оставаться. Она серьёзная, практичная и говорит то, что думает. Герой пробует быть Вертером, Печориным, Феликсом Крулем — и каждый раз терпит крах. Она видит его насквозь: «Ты научился нравиться. Но не научился быть».Это история о первой взаимности, которая сложнее, чем недоступность. О музыке Тухманова и гитаре Василия. О комнате, где можно смотреть, но нельзя брать. И о правде, которую нужно сказать — даже если она некрасивая.

© Колмогорцев Б., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Новелла «Второй курс» 5
Введение 5
Коридор 6
Столовая 9
Письма Вертера 12
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Борис Колмогорцев
Второй курс

Новелла «Второй курс»

Введение

Эта новелла — о том, как трудно быть собой, когда ты слишком много прочитал.

После лета на Синели, после колодца с запертой луной, герой возвращается в город, поступление в институт — и попадает в общежитие, где всё на виду: коридор, умывальник, столовая, тонкие стены. Здесь нельзя спрятаться за книжкой. Здесь нельзя быть загадочным. Здесь нужно быть.

И здесь появляется Флюра. Девушка из его группы, башкирка из Уфы, которая уже знает, чего хочет. Она не Лотта. Не героиня романа. Она — человек, который говорит то, что думает, и не позволяет превращать себя в литературный персонаж.

Герой пробует быть Вертером — и терпит крах. Пробует быть Печориным — и выглядит смешно. Пробует быть Феликсом Крулем — и почти получает то, чего хочет. Но получает не любовь, а влюблённость в маску. И тогда он понимает: единственный способ быть с ней — перестать играть.

Это новелла о первой взаимности, которая оказывается труднее, чем недоступность. О музыке, которая становится мостом. О комнате, где можно смотреть — но нельзя брать. И о том, как правда, сказанная в коридоре на виду у всех, важнее любого красивого жеста.

Коридор

Свердловск, сентябрь 1973 года.

Общежитие просыпалось раньше, чем следовало. В шесть утра по коридору уже гремели вёдрами, хлопали дверями и перекрикивались так, будто находились не в коридоре, а на улице. Стены были тонкие. Всё слышно. Всё видно.

Наша комната — на четверых. Я, Василий, Лёха и Адик. Кровати железные, с панцирной сеткой, которая скрипела так, что я до конца жизни запомню этот звук — как будто кто-то ложится на ржавую пилу. Тумбочки. Одна лампа на всех. Окно во двор, где стояла мусорка и росла чахлая берёза. На подоконнике — банка с водой и ветка, которую Василий принёс откуда-то и сказал: «Пусть стоит».

— Проснулся? — спросил Василий снизу. Он не спрашивал. Он утверждал.

— Проснулся.

— Тогда иди. А то опять без воды останешься.

Василий был человеком, который всегда вставал первым. Не потому, что был дисциплинированный — а потому что не мог лежать без дела. Он сидел на кровати в майке, с гитарой на коленях, и что-то тихо перебирал струны. Гитара была старая, с облупившимся лаком, но звук у неё был чистый. Он играл не песни — он подбирал. Он слышал мелодию в стихах и искал её на грифе, будто разгадывал.

— Что это? — спросил я.

— Есенин. «Не жалею, не зову, не плачу». Пока не получается.

Он взял два аккорда — и остановился. Потом взял ещё один. И снова остановился.

— Там надо не так, — сказал он. — Там внутри что-то другое. Не как в романсе. Проще.

Василий был из тех, кто не знал нот. Но он слышал больше, чем те, кто знал.

Умывальник был в конце коридора. Длинная комната с рядом раковин и кранами, где вода была сначала ржавая, потом холодная, потом — просто холодная. Зеркало над раковинами было мутное, в брызгах. Кто-то написал на нём мылом: «Здесь был Витя». И не стёр.

Очередь стояла. Человек восемь. Парни с полотенцами на плечах, в майках и трусах, сонные, злые. Кто-то брился, кто-то чистил зубы, кто-то просто стоял и смотрел в стену. Пахло зубной пастой, мылом и мокрым кафелем.

Я встал в конец. Передо мной — парень с третьего курса, высокий, с прыщавым лицом. Он обернулся и посмотрел на меня.

— Ты с какого?

— Со второго. Геофизики.

— А. — Он отвернулся. — Геофизики. Знаем.

Что «знаем» — я не понял. Но переспрашивать не стал.

— Слышь, — сказал парень с прыщавым лицом, оборачиваясь снова. — Это правда, что вы в поле ездили?

— Ездили. Летом.

— И чего? Нашли чего-нибудь?

— Бокситы искали. Не нашли.

Он усмехнулся.

— Ну да. Конечно.

И отвернулся. Больше не разговаривал.

Я подумал: вот я здесь. Второй курс. Общежитие. Очередь в умывальник. Всё, как у всех. А внутри — колодец. Запертая луна. Марина. То лето. Я не рассказал об этом никому. Даже Василию. Особенно Василию. Он бы понял. И это было бы хуже, чем если бы не понял.

Я вернулся в комнату, бросил полотенце на кровать и сел на стул. Василий всё ещё играл. Лёха спал. Адик ушёл на завтрак.

Я вышел в коридор — за кипятком. Чайник стоял на общей кухне, но кипятка не было. Я решил подождать у окна.

Окно было большое, с широким подоконником. За ним — двор. Мусорка. Берёза. И небо — серое, низкое, сентябрьское.

И тогда я услышал её.

— Ты чего тут стоишь?

Я обернулся.

Она стояла в дверях своей комнаты — в халате, с полотенцем на плече, с растрёпанными волосами. Не высокая, не низкая. Просто — она. Смотрела прямо. Не улыбалась, но и не хмурилась. Просто смотрела.

— Кипятка жду, — сказал я.

— Кипятка нет. — Она кивнула в сторону кухни. — Баба Тоня чайник унесла. Сказала, что завтра будет.

— Ага.

— Ага, — повторила она. И вдруг улыбнулась — коротко, углом рта. — Ты вообще кто?

— В смысле?

— В смысле — ты в нашей группе, да? Я тебя видела. На лекциях. Ты сидишь у окна. И всё время что-то пишешь.

Я покраснел. Не потому, что она заметила. А потому что она знала. Что я пишу. Что я сижу у окна.

— Пишу, — сказал я. — Конспекты.

— Конспекты, — повторила она. И в её голосе было что-то — не насмешка, а проверка. — Ну да. Конспекты.

Она прошла мимо. Полотенце качнулось на плече. От неё пахло мылом и чем-то ещё — тёплым, домашним. И она не оглянулась.

Я стоял и смотрел ей вслед. И думал: кто это? Как её зовут? Почему я раньше не замечал?

А потом понял: замечал. Просто не видел.

Когда я вернулся в комнату, Василий уже отложил гитару. Сидел на кровати, смотрел на меня.

— Это была Флюра, — сказал он.

— Кто?

— Флюра. Из вашей группы. Ты что, не знаешь?

Я не знал. Вернее, знал, что есть такая — но не связывал имя с лицом. Лицо было — просто лицо. А имя — просто имя. А теперь они соединились.

— Она башкирка, — сказал Василий. — Из Уфы. Она нормальная. Только…

— Что «только»?

— Она серьёзная, — сказал Василий. И это слово прозвучало так, будто он предупреждал. — Ты с ней не играй.

— Я не играю.

— Ну да, — сказал Василий. И взял гитару. — Конечно.

Он заиграл Есенина — уже не останавливаясь. Нашёл. И это было просто. И это было правильно.

Вечером мы сидели в комнате — я, Василий, Лёха и Адик. Лёха читал учебник. Адик что-то жевал. Василий играл. Я смотрел в окно.

В коридоре было тихо. Кто-то ходил — медленно, туда-сюда. Потом остановился. Потом пошёл дальше.

И тогда я услышал: из соседней комнаты — тихо, почти неслышно — кто-то пел. Не Василий. Женский голос. Негромко, без слов — просто напев. Как будто она не пела для кого-то. А просто пела.

Я прислушался. И понял: это она. Флюра.

Она пела что-то своё. Не Есенина. Не Тухманова. Что-то, чего я не знал. И это было другое. Совсем другое.

Василий перестал играть. Посмотрел на меня.

— Слышишь? — спросил он.

— Слышу.

— Это она, — сказал он. И больше ничего не сказал.

А я сидел и думал: вот. Началось. Что-то началось. И я не знал, что это. Но я знал, что это не будет просто.

Столовая

Столовая была на первом этаже. Длинные столы, покрытые клеёнкой, алюминиевые вилки, которые гнулись, если их слишком сильно сжать, и компот из сухофруктов, который все называли «компотом из ничего». Пахло подгоревшей кашей и мокрой тряпкой.

Мы сидели вчетвером: я, Василий, Лёха и Адик. Лёха читал учебник, положив его рядом с тарелкой, и ел, не глядя. Адик жевал молча. Василий что-то рассказывал — про то, как вчера на этаже парень из соседней комнаты пытался собрать радиоприёмник и спалил пробки.

Я слушал вполуха. Смотрел в тарелку. Думал о том, что после обеда — семинар по общей геофизике, и я не готов. И что надо было готовиться вчера, а я вместо этого читал «Героя нашего времени» и делал вид, что это для общего развития.

И тогда она села напротив.

Не спросила разрешения. Просто поставила поднос и села. Флюра. В том же халате, что и утром, — только теперь он был застёгнут на все пуговицы, и волосы собраны в хвост. Она выглядела иначе. Собраннее. Взрослее.

— Привет, — сказала она. — Геофизики?

— Геофизики, — ответил Василий.

— Ага. — Она взяла вилку. — А я думала, вы геологи.

— Все так думают, — сказал Василий. — Потому что мы на одном потоке с ними. Но мы — геофизики.

— И что вы делаете? — спросила она. — Ну, геофизики?

— Ищем то, чего не видно, — сказал Василий. — Под землёй. По полям. Аномалии.

— Аномалии, — повторила она. И посмотрела на меня. — А ты что ищешь?

Я не ожидал, что она обратится ко мне. Я вообще не ожидал, что она сядет за наш стол.

— Я… — начал я. — Ну. То же самое. Аномалии.

— Аномалии, — сказала она. И улыбнулась. Не насмешливо — просто улыбнулась. — Все ищут аномалии. А потом не знают, что с ними делать.

Василий хмыкнул. Лёха оторвался от учебника. Адик перестал жевать.

— Ты вообще откуда? — спросил Василий.

— Из Уфы, — сказала она. И добавила, будто это было само собой разумеющимся: — Я там в университете училась. На геологическом. Потом перевелась. Сюда.

— Перевелась? — переспросил я. — Зачем?

Она посмотрела на меня. Долго. Спокойно.

— Потому что в Уфе я бы осталась в Уфе, — сказала она. — А я не хотела оставаться.

— А здесь? — спросил я. — Здесь же тоже… не Уфа.

— Здесь — Свердловск, — сказала она. — Здесь есть институт. Есть общежитие. Есть работа после института. Есть… — она запнулась. — Есть всё, что нужно.

— Что нужно? — переспросил я.

— Всё, — сказала она. И больше не объяснила.

Мы ели молча. Потом Василий ушёл — у него была лабораторная. Лёха и Адик тоже ушли. Мы остались вдвоём.

Столовая почти опустела. За соседним столом кто-то доедал кашу. У окна мыла пол уборщица.

Флюра отодвинула тарелку. Посмотрела на меня.

— Ты пишешь, — сказала она. Не вопросом.

— Пишу.

— Что?

— Разное. Конспекты. Иногда… — я не знал, что сказать. — Иногда не конспекты.

— А что?

Я молчал. Она ждала. Не торопила. Просто ждала.

— Рассказы, — сказал я. — Пытаюсь писать рассказы.

— Получается?

— Не знаю. Наверное, нет.

— Почему?

— Потому что… — я подумал. — Потому что я пишу про то, чего не было. Или было, но не так. Или было так, но я не знаю, как это передать.

Она кивнула. Как будто это имело смысл.

— А зачем ты пишешь? — спросила она.

— Не знаю. Просто… — я посмотрел в тарелку. — Просто, когда я не пишу, я как будто не живу. Как будто всё проходит мимо. А когда пишу — я это удерживаю.

— Удерживаешь, — повторила она. И в её голосе было что-то — не насмешка, а понимание. — А зачем удерживать?

Я не ответил. Потому что не знал. Потому что не думал об этом.

— Я не удерживаю, — сказала она. — Я иду дальше. Всё, что было — было. Всё, что будет — будет. А сейчас — сейчас я здесь. С тобой. И это тоже — сейчас.

Она сказала это просто. Без пафоса. Как будто говорила о погоде.

И я вдруг почувствовал, что не понимаю её. Совсем. Она была другая. Не как Марина. Марина была — тайна. Колодец. Запертая луна. А Флюра была — открытая. Не в смысле «простая». А в смысле — она не пряталась. Она говорила то, что думала. И это было страшнее, чем тайна.

— Ты странная, — сказал я.

Она засмеялась. Коротко. Не обидно.

— Почему?

— Потому что ты говоришь вещи, которые… — я не знал, как сказать. — Которые я не ожидал услышать.

— От кого?

— От девушки.

Она перестала смеяться. Посмотрела на меня — внимательно. И сказала:

— А ты думал, девушки говорят только о тряпках и о любви?

Я покраснел. Потому что думал. Не так грубо — но думал.

— Я не… — начал я.

— Ладно, — сказала она. — Я не обиделась. — Она встала. — Но ты подумай. Просто подумай.

Она взяла поднос. И ушла.

А я остался сидеть. С пустой тарелкой. С компотом, который остыл. И с мыслью, которая не давала покоя: она другая. Не потому что она лучше или хуже. А потому что она знает, чего хочет. И это знание — оно не про меня. Оно про неё. И это было **страшно**.

Я вернулся в комнату. Василий сидел на кровати с гитарой. Он посмотрел на меня и сразу всё понял — по лицу.

— Поговорили?

— Поговорили.

— И что?

— Не знаю. — Я сел на стул. — Она сказала, что я думаю, что девушки говорят только о тряпках и о любви.

Василий хмыкнул.

— А ты думаешь?

— Не так. Но… — я замолчал. — Она права. Я так думаю. Немножко.

— Все так думают, — сказал Василий. — Пока не поговорят с кем-нибудь вроде неё.

Он взял два аккорда. Потом ещё два. И заиграл — тихо, медленно. Есенин. «Не жалею, не зову, не плачу».

Я слушал. И думал: вот я здесь. Второй курс. Общежитие. Столовая. Разговор с девушкой, которая сказала мне то, чего я не ожидал. И я не знаю, что с этим делать.

А Василий играл. И это было просто. И это было правильно.

Письма Вертера

Я начал писать ей письма на третий день после столовой.

Не для того, чтобы отправить. Просто так. Потому что не мог иначе. Утром, пока Василий ещё спал, я садился на подоконник у окна — там было светло — и писал. В тетради. Обычной, в клетку, за сорок две копейки, купленной в «Канцтоварах» на углу.

Я писал ей. Ей. Флюре.

Но не так, как говорят. А как пишут. Как в книгах.

Письмо первое:

Я знаю, что ты меня не читаешь. Я пишу тебе не для того, чтобы ты прочла. Я пишу, потому что ты — единственное, что я вижу, когда закрываю глаза.

Я перечитал. Мне понравилось. Это было красиво. Как у Вертера. Как у Гёте. Я подчеркнул «единственное» — потому что это было сильное слово.

Письмо второе:

Ты прошла мимо меня в коридоре, и я почувствовал, что воздух стал другим. Не лучше. Не хуже. Просто другим. Как будто в комнате открыли окно, и я впервые за долгое время вдохнул.

Это было ещё красивее. Я даже прочитал вслух — шёпотом, чтобы не разбудить Василия. Звучало. Действительно звучало.

Письмо третье:

Я не знаю, что ты думаешь обо мне. Наверное, ничего. Наверное, я для тебя — просто мальчик с книжкой, который сидит у окна. Но я хочу, чтобы ты знала: этот мальчик с книжкой — он не просто так. Он видит в тебе то, чего, может быть, не видит никто. Он видит Лотту.

Я остановился. «Лотту» — это было слишком. Даже для меня. Я зачеркнул. Потом написал снова:

Он видит в тебе то, чего, может быть, не видит никто. Он видит — тебя.

Это было лучше. Не так пафосно. Но всё равно — красиво.

Я прятал тетрадь под подушку. Не потому что боялся, что кто-то прочитает. А потому что знал, что если прочитают — поймут, что я не такой, каким хочу казаться. Что я не «мальчик, который видит в ней то, чего не видит никто». А мальчик, который пишет красивые письма, потому что не умеет говорить.

Я писал каждый день. Иногда — два письма в день. Иногда — одно, но длинное. Я писал о том, как она прошла мимо, как она улыбнулась, как она сказала «привет» — просто «привет», а я потом полдня не мог думать ни о чём другом. Я писал о том, что она — другая. Не такая, как все. Что она — как книга, которую хочется читать медленно.

Я не замечал, что в этих письмах нет её. Есть мои чувства. Есть мои красивые слова. Есть моя начитанность. А её — нет. Только отражение. Как в колодце.

Василий заметил.

Он не говорил прямо. Но я чувствовал, что он видит. Как я сажусь на подоконник с тетрадью. Как я прячу её под подушку. Как я смотрю на Флюру в столовой — не как обычно, а иначе. Как будто она уже не просто девушка из группы, а — героиня.

Однажды он сказал:

— Ты что-то пишешь.

— Пишу.

— Что?

— Не важно.

— Ага. — Он помолчал. — Не важно.

И больше не спрашивал. Но я знал, что он знает.

Это случилось в пятницу.

В общежитии был «санчас» — санитарный час. Все должны были выйти из комнат, чтобы дежурные могли проверить, как мы живём. Я оставил тетрадь на подоконнике — не спрятал. Забыл. Просто забыл.

Когда я вернулся, тетради на подоконнике не было.

Я обыскал всё. Под кроватью. В тумбочке. В чемодане. Ничего. Тетрадь исчезла.

Я спросил Василия:

— Ты не видел мою тетрадь?

— Какую?

— Ну, ту. С записями.

Он посмотрел на меня. Молча. И сказал:

— Видел. Её Флюра забрала.

Я не понял.

— Как — забрала?

— А вот так. — Он пожал плечами. — Она зашла в комнату во время санчаса. Сказала, что ты забыл. И забрала. Сказала, что вернёт.

Я стоял и не знал, что делать. Сердце колотилось. Руки похолодели. Она прочитала. Или прочитает. Сейчас. В своей комнате. Сидит и читает. И видит всё. Всю мою незрелость. Всё моё «как у Вертера». Всё моё «Лотта».

Я хотел пойти к ней. Забрать. Объяснить. Но не мог сдвинуться с места.

Она пришла вечером. Постучала. Открыла дверь — не дождалась ответа. В руках — тетрадь.

Василий и Лёха сразу вышли. Адик тоже вышел. Мы остались вдвоём.

Она положила тетрадь на стол. Не бросила. Не швырнула. Просто положила. И посмотрела на меня.

— Ты это писал мне?

Я не мог говорить. Кивнул.

— Почему не отдал?

— Не знаю.

— Знаешь. — Она сказала это спокойно. Без злости. Но твёрдо. — Ты не отдал, потому что это не мне. Это тебе.

Я не понял.

— Что?

— Ты пишешь не про меня, — сказала она. — Ты пишешь про то, как ты меня видишь. А это не одно и то же. — Она открыла тетрадь. Нашла страницу. Прочитала вслух: — «Он видит в тебе то, чего, может быть, не видит никто». Кто это — он?

Я молчал.

— Это ты, — сказала она. — Ты пишешь о себе в третьем лице. Как будто ты — герой романа. Как будто я — героиня. А мы — не в романе. Мы в общежитии. На втором курсе. И я — не Лотта.

— Я знаю, — сказал я. — Я зачеркнул.

— Зачеркнул, — повторила она. — Но не перестал думать.

Она закрыла тетрадь. И положила обратно на стол.

— Я не сержусь, — сказала она. — Правда. Я просто… — она подыскивала слово. — Я просто хочу, чтобы ты видел меня. А не придумывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.